

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ ПУШКИНА «АНДЖЕЛО»

А. А. Долинин

(Мэдисон / С.-Петербург)

Поэма Пушкина «Анджело» представляет собой вольное переложение основного сюжета пьесы Шекспира «Мера за меру» (далее МЗМ) с вкраплением нескольких фрагментов ее перевода. В свою очередь, МЗМ основана на бродячем сюжете, имевшем широкое хождение в XVI в. В указателе Аарне-Томпсона он значится под номером K1353 и описывается следующим образом: “Woman deceived into sacrificing honor. Ruler promises to release her brother (husband) but afterwards refuses to do so” (Thompson 1960: 391; [«Женщину обманом вынуждают пожертвовать честью. Правитель обещает освободить ее брата (мужа), а затем отказывается выполнить обещание»¹]). В современном английском шекспироведении его обычно называют «гнусный выкуп» (“the monstrous ransom”).

Этот сюжет бытовал во многих вариантах (см.: Bolte 1902: 65; Budd 1931: 711–736; Bullough 1958: 399–530; Lawrence 1960: 84–91; Prouty 1964: 131–145; Lever 2003: XXXV–XLIV). Однако, как давно установили исследователи, источниками Шекспиру послужили две его обработки: новелла из сборника итальянского писателя Джованни Баттиста Джиральди Чинтио (Giovanni Battista Giraldi Cinzio, 1504–1573) «Экатоммити» (“Hecatommithi” – «Сто сказаний», *греч.*, 1565; см. там же источник «Отелло») о несправедном губернаторе Инсбрука Джуристе, который уговорил юную Эпитию отдаться ему, пообещав ей за это помиловать ее приговоренного к смерти брата, но не сдержал обещание (русск. пер. см.: Итальянская новелла 1957: 503–513), а также основанная на этой новелле драма Джорджа Ветстоуна (George Whetstone, 1544?–1588) «Промос и Кассандра» (“The Right Excellent and Famous Historie of Promos and Cassandra”,

¹ Здесь и далее переводы цитат – мои. – А. Д.

1578). Об итальянской новелле в связи с «Анджело» вспомнил еще П. А. Катенин, писавший: «Шекспир переделал повесть из Жеральдо Чинтио в драму “Мера за меру”»: весьма понятно, но драму опять переделывать в повесть с разговорами: странная мысль» (Пушкин в воспоминаниях 1998, 1: 189).

Пушкин, по всей вероятности, знал о существовании источников МЗМ, так как они упоминались в предисловии Амадея Пишо к французскому переводу пьесы, которым он пользовался наряду с английским оригиналом. « On voit dans cette pièce, – писал критик, – que le génie créateur de Shakspeare pouvait féconder le germe le plus stérile. Une ancienne pièce dramatique, d’un nommé Georges Whestone <sic!>, intitulée *Promas* <sic!> et *Cassandra*, composition pitoyable, est devenue une de ses meilleures comédies. Peut-être aussi n’a-t-il même pas fait l’honneur à Whestone de profiter de son travail; car une nouvelle de Gerald Cinthio contient à peu près tous les événemens de *Mesure pour mesure*, et Shakspeare n’avait besoin que d’une idée première pour construire sa fable et la mettre en action. Dans la nouvelle de Cinthio, et dans la pièce de Whestone, le juge prévaricateur vient à bout de ses desseins sur la sœur qui demande la grâce de son frère. Condamné par le prince à être puni de mort, après avoir épousé la jeune fille qu’il a outragée il obtient sa grâce, par les prières de celle qui oublie sa vengeance dès que le coupable est devenue son époux » (Shakspeare 1823: 151–152; [«Из этой пьесы видно, что творческий гений Шекспира мог оплодотворить самое бесплодное зерно. Старинная драма некоего Джорджа Вестона <sic!>, озаглавленная “Промас <sic!> и Кассандра”, сочинение бездарное, была превращена им в одну из лучших комедий. Возможно, ему даже не пришлось оказать честь Вестону и воспользоваться его опусом, потому что одна новелла Джеральди Чинтио содержит почти все события “Меры за меру”, а Шекспиру нужна была лишь первоначальная идея, чтобы выстроить фабулу и привести ее в движение. И в новелле Чинтио, и в пьесе Вестона бессовестный судья добывается своего от девушки, которая пришла просить его помиловать ее брата. За это государь женит его на обещанной им девушке, после чего велит казнить, но в конце концов милует, благодаря мольбам той, кто забывает о мести, став женой виновного»]).

Саму новеллу Чинтио Пушкин скорее всего не читал, поскольку единственное издание французского перевода «Экатоммити»² было в России едва ли доступно, и потому должен был предполагать, что ее действие происходит на родине автора, а не в условной Вене, как у Шекспира. На итальянские корни сюжета указывали и итальянские имена почти всех персонажей МЗМ. Именно поэтому, вероятно, Пушкин перенес место действия из условной шекспировской Вены в «один из городов Италии счастливой» и назвал герцога этого города «Дук» (*итал.* Dusa – ‘герцог’), по итальянскому произношению, а не более употребительным галлицизмом «дюк».

Эпитет «счастливый» применительно к Италии – это клише, восходящее к античности и бытовавшее во всех основных европейских языках (*итал.* l’Italia felice; *франц.* l’heureuse Italie; *англ.* happy Italy; *нем.* glücklich Italien). Оно встречается еще в дошедшем до нас фрагменте (121/600) трагедии Софокла «Триптолем»: «Италия счастливая желтеет / От золотистых нив» (Софокл 1990: 396); на монетах императора Адриана чеканили надпись „Italia felix”, то есть «Италия счастливая». До «Анджело» Пушкин использовал его в одесском эпизоде «Путешествия Онегина»: «Сыны Авзонии счастливой / Слегка поют мотив игривый, / Его невольно затвердив...» (Пушкин 1937–1959, 6: 205). Как заметил И. А. Пильщикова, выражение «счастливая Италия / Авзония» с середины XVIII в. ассоциируется в первую очередь «с культурным расцветом эпохи Возрождения» (Пильщикова 2003: 210). См., например, в лекции «О последовательном прогрессе человеческого духа» (1750) французского экономиста и философа Анн-Робер-Жака Тюрго: « Je te salue, ô Italie! Heureuse terre, pour la seconde fois la Patrie des lettres et du goût... » (Turgot 1808: 87; [«Я приветствую тебя, о Италия! Счастливая страна, вторично ставшая родиной литературы и вкуса...»]). Особо важную роль в

² Le premier et le second volume des Cent excellentes Nouvelles de M. Jean Baptiste Giraldy Cinthien, Gentilhomme Ferrarois, Contenant plusieurs beaux exemples & notables histoires, partie tragiques, partie plaisantes & agréables, qui tendent à blâmer les vices, & former les mœurs d’un chacun / Mis d’Italien en François par Gabriel Chappuys Tourangeau. Paris: Pour Abel l’Angelier libraire jure, tenant sa boutique au premier pillier de la grand salle du Palais, 1583–1584. Новелла об Эпитии напечатана во втором томе сборника, р. 107–115.

распространении мифологизированных представлений об Италии эпохи Возрождения сыграл роман мадам де Сталь «Коринна, или Италия» (1807). Его героиня, итальянская поэтесса, певица, художница, импровизируя на тему «Слава и счастье Италии», воспевает родину как страну, которая возродила античное искусство и дала миру великих поэтов – Данте, Тассо, Петрарку, Ариосто, великих художников – Микеланджело, Рафаэля, великих композиторов, путешественников, ученых. В Италии, декламирует она, сам солнечный свет «будоражит воображение, возбуждает мысль, порождает отвагу и погружает в сон счастья» (см.: Staël 1820: 59; Модзалевский 1910: 341, № 1406). Делая своего Дука «другом художеств и наук», Пушкин вписывает его в один ряд с легендарными герцогами итальянских ренессансных городов-государств.

Кроме этих отсылок к «счастливой Италии» в самом начале «Анджело», поэма, как верно заметил В. Ф. Переверзев, не имеет «ничего итальянского – ни быта, ни природы» (Переверзев 1982: 413). Характерно, что единственная историко-этнографическая деталь, добавленная Пушкиным, – обычай казнить по пятницам («На полных площадях, безмолвных от боязни, / По пятницам пошли разыгрываться казни». – Пушкин 1937–1959, 5: 108) – связана не с итальянской, а с англо-американской практикой публичных экзекуций в XVII–XVIII вв.³

Отсутствие итальянского *couleur locale* отчасти компенсируется реминисценциями «Ада» Данте, которые обнаруживаются в одном из самых сильных мест «Анджело» – монологе Клавдио о смерти и загробных муках грешника (см.: Левин 1968: 257–258). Сравним английский оригинал этого монолога (с подстрочником), его прозаический французский перевод и, наконец, текст Пушкина:

³ Публичные казни часто (но не всегда) производили по пятницам в Англии и английских колониях XVI–XVIII в.; поэтому пятницу там называли «виселичный день» (“hanging day”) или «день палача» (“hangman’s day”). См., например, в «Истории Нью Йорка» Вашингтона Ирвинга: “[Friday] being that unlucky day of the week, termed ‘hanging day’” (Irving 1824: 199; «<Пятница> несчастливый день недели, который называют “висельным днем”»)

Ay, but to die, and go we know not where;
To lie in cold obstruction, and to rot;
This sensible warm motion to become
A kneaded clod; and the delighted spirit
To bathe in fiery floods, or to reside
In thrilling region of thick-ribbed ice;
To be imprison'd in the viewless winds,
And blown with restless violence round about
The pendant world: or to be worse than worst
Of those that lawless and uncertain thought
Imagine howling, – 'tis too horrible.
The weariest and most loathed worldly life
That age, ache, penury and imprisonment
Can lay on nature is a paradise
To what we fear of death.

[Но все же: умереть, уйти неведомо куда,
Лежать в студеном оцепенении, гнить;
Чтоб чувствующее, теплое, подвижное вдруг стало
Комком персти; а расширившийся [delighted=dilated] дух
Окунулся в огненные потоки иль очутился
В страшном краю толсто-ребристых льдов;
Быть узником невидимых ветров
И без конца носиться под их ударами вокруг
Подвешенного земного шара; иль испытать то, что ужаснее
Самых ужасных загробных мук, которые рисует
Беззаконная и неясная фантазия. – Как это страшно!
Самая тяжелая, самая ненавистная земная жизнь, –
В старости, в болезнях, в нищете, в неволе, –
Гнетущая природу, это рай
По сравнению с тем, чего мы боимся в смерти.]

(Lever 2003: 73–74)

« Oui: mais mourir, et aller on ne sait où; être gissant dans une froide tombe, et y tomber en corruption; perdre cette chaleur vitale et douée de sentiment, pour devenir une argile docile; tandis que l'âme accoutumée

ici-bas à jouissances se baignera dans les flots brûlans, ou sera plongée dans des régions d'une glace épaisse, – emprisonnée dans les vents invisibles, pour être emportée violemment par les ouragans autour de ce globe suspendu dans l'espace, ou pour subir des états plus affreux que le plus affreux de ceux que la pensée errante et incertaine imagine avec un cri d'épouvante; oh! cela est trop horrible. La vie de ce monde la plus pénible et la plus odieuse que la vieillesse, ou la misère, ou la douleur, ou la prison puissent imposer à la nature, est encore un paradis auprès de tout ce que nous appréhendons de la mort » (Shakspeare 1821: 225–226).

Так – однако ж... умереть,
Идти неведомо куда, во гробе тлеть
В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна
И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу,
Стремглав низвергнуться в кипящую смолу,
Или во льду застыть, иль с ветром быстротечным
Носиться в пустоте, пространством бесконечным....
И всё, что грезится отчаянной мечте...
Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете,
В печалях, в старости, в неволе... будет раем
В сравненьи с тем, чего за гробом ожидаем.

(Пушкин 1937–1959, 5: 123)

Пушкин довольно точно передает самый общий смысл монолога и его эмоциональную окраску, а также сохраняет инфинитивные конструкции. Однако образный строй оригинала у него заметно изменен и упрощен (подробнее см. Долинин 2007: 41). Создается впечатление, что пушкинского Клавдио страшат не столько посмертные мытарства бесплотной души, отделившейся от истлевающего тела и покинувшей земной шар, как в МЗМ, сколько телесные муки наказанных грешников в аду, как в «Inferno» и в народных верованиях. Два ярких образа у Пушкина – «немая мгла» и «кипящая смола» – вообще отсутствуют как в оригинале, так и во французском переводе, но имеют параллели у Данте.

Как заметил Ю. Д. Левин, «кипящая смола» отсылает к песни XXI «Inferno», где описаны муки лихоимцев (пятый ров восьмого круга).

Бесы бросают их в ров, где кипит густая смола («*bolgia là giuso una pegola spessa*» – XXI, 17), и не позволяют высунуть голову наружу (см.: Левин 1968: 258). «Огненные потоки» в МЗМ – это метафизический образ совсем другого происхождения и характера. За ним стоит античная идея загробного очищения душ от скверны погружением в космические стихии. Ср. в «Энеиде»: «Одни, овеваемы ветром, / Будут висеть в темноте, у других пятно преступленья / Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной» (Вергилий 1979: 260; пер. С. А. Ошерова).

Метафора «немая мгла» до Пушкина использовалась в русской поэзии – в балладе архаиста А. И. Писарева на сюжет Шарля Юбера Мильвуа «Выкуп Оссиана» («Лишь изредка браздой огонь мраки раздирает, / Как славные дела немую мглу веков»), напечатанной в альманахе Одоевского и Кюхельбекера «Мнемозина» (Ч. 3. М., 1824. С. 148) и в «Соревнователе просвещения и благотворения» (Ч. 28. 1824. С. 65). Писарев мог подхватить ее в ранней редакции элегии того же Мильвуа «Годовщина» («*L'anniversaire*», 1806): «*L'obscurité muette augmenta ma souffrance*» (Millevoeye 1809: 134; [«немая мгла усилила мои страдания»])⁴. Однако в обоих случаях она тематически никак не связана с загробным миром: у Мильвуа речь идет о бессонных ночах, а у Писарева – об историческом прошлом. С другой стороны, в «Inferno» «немота / молчание» дважды выступает как метафорический атрибут солнца или света, означая тьму. В первой песни поэмы, перед появлением Вергилия и вхождением в ад, страшная волчица гонит героя прочь, туда, где «молчит солнце» («*là dove 'l sol tace*» – I, 60), то есть в тот темный лес («*una selva oscura*» – I, 2), из которого он пытается вырваться (о «молчащем мраке» как символе богооставленности см. Neilbronn-Gaines 1995: 287–288). Сходный образ «молчащего света» («*Io venni in luogo d'ogni luce muto*» – V, 28) появляется и в начале пятой песни, когда Данте вступает во второй круг ада, где караются сластолюбцы, чей разум был побежден же-

⁴ В брюссельском собрании сочинений Мильвуа, которое сохранилось в библиотеке Пушкина, «Годовщина» напечатана в сокращении без этого стиха (Millevoeye 1823: 60–61; Модзалевский 1910: 289, № 1171).

ланием («...peccator carnali, / che la ragion sommettono al talento» – V, 38–39). Если вспомнить, что Клаудио приговорен к смертной казни за плотский грех с девицей, то ассоциация его страхов именно со вторым кругом получает сильную мотивировку.

Правда, мрак во втором круге не «молчит», потому что в нем звучат стоны и жалобы наказанных грешников. Там их мучает «адский ураган, который, никогда не затихая, всей своей силой гонит души: терзает их, крутя и колотя» («La bufera infernal, che mai non resta, / mena li spirti con la sua rapina; / voltando e percontendo li molesta» – V, 31–33). Мотив ураганного ветра, который терзает души умерших, есть и в монологе Клаудио, но, как давно установили шекспироведы, он восходит не к Данте, а к античным источникам – к процитированному выше месту из шестой песни «Энеиды» и к финалу шестой книги диалога Цицерона «О Республике», так называемого «Сна Сципиона». В этой книге Сципиону во сне является покойный Публий Африканский, который поднимает его высоко над Землей, показывает звезды и планеты, объясняет устройство космоса и, наконец, говорит о том, что душа вечна и ее нужно готовить к вечной жизни после смерти:

Ибо дух тех, кто предавался чувственным наслаждениям, предоставил себя в их распоряжение как бы в качестве слуги и, по побуждению страстей, повинующихся наслаждению, оскорбил права богов и людей, носится, выйдя из их тел, вокруг самой Земли и возвращается в это место только после блужданий в течение многих веков (Цицерон 1966: 87–88).

Оба описания (особенно первое) считаются прообразами средневековых христианских представлений о чистилище⁵, и это обстоятельство позволило американскому шекспироведу Джону Хэнкинсу предположить, что, говоря об огненных потоках, о страшном крае льдов и о ветрах, которые носят душу вокруг Земли, шекспировский Клаудио имеет в виду муки чистилища, а не ада (см.: Hankins 1956: 487–494).

⁵ Об истории этих представлений см.: Le Goff 1990; Walls 2012; в шекспировскую эпоху – Greenblatt 2013.

В переводе монолога Пушкин отбросил почти все мотивы, связанные с чистилищем, и заменил их мотивами «адскими». Если у Шекспира Клаудио боится после смерти попасть в страну льдов – согласно ряду ранних средневековых источников, одну из двух или трех частей чистилища (см.: Le Goff 1990: 197–198, 297), то у Пушкина он воображает, что вмерзнет в лед, подобно предателям, которых Данте поместил в последний, девятый круг ада. Если у Шекспира душа проходит очищение в огненных потоках или реках (постоянный мотив всех текстов о чистилище), то у Пушкина ее казнят в «смоле кипящей», как в «Inferno». Только ураганный ветер в переводе отнесен не к аду, как у Данте, а к «бесконечному пространству», хотя и здесь Пушкин отклоняется от оригинала, где Шекспир отталкивался от «Сна Сципиона».

Поскольку французский перевод МЗМ, которым пользовался Пушкин, довольно точно передает все сложные места монолога, сделанные замены нельзя списать на его недостаточную языковую компетенцию. По всей вероятности, скрещение Шекспира с Данте понадобилось Пушкину, чтобы усилить едва намеченный итальянский фон «Анджело». Это тем более вероятно, что он (как, впрочем, и большинство европейских романтиков) считал Данте и Шекспира близкими родственниками (хотя их разделяло почти 300 лет) – великими предтечами романтизма, национальными гениями одного типа, который эстетика классицизма отвергала как варварский, дикий, грубый (ср.: Вацуру 1995: 380–381). Только Шекспир и Данте, писал Август Шлегель в «Курсе драматической литературы», наделены «тем взглядом истинного поэта, который проникает во внутреннюю жизнь природы и самых тайных сил» (Schlegel 1814: 43). Недаром в известной заметке Пушкина о смелости гения имени Шекспира и Данте стоят рядом:

Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлет творческой мыслью – такова смелость Шекспира, Dante, Milton'a, Гете в Фаусте, Молиера в Тартюфе (Пушкин 1937–1959, 11: 61).

При таком подходе огромные различия между двумя «смелыми» гениями скрадываются, а сходство преувеличивается, и в перевод из одного легко вживляются мотивы и образы из другого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вацуρο В. Э. 1995. Пушкин и Данте. – Лотмановский сборник. [Вып.] 1. М.: Издательство «ИЦ-Гарант». С. 375–391.
- Вергилий 1979. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Издательство «Художественная литература».
- Долинин А. А. 2007. Пушкин и Англия: Цикл статей. М.: Новое литературное обозрение.
- Итальянская новелла 1957. Итальянская новелла Возрождения. М.: Государственное Издательство Художественной Литературы.
- Левин Ю. Д. 1968. Об источниках поэмы Пушкина «Анжело». – Известия Академии Наук СССР. Серия литературы и языка. Т. XXVII. Вып. 3 (май–июнь). С. 255–258.
- Модзалевский Б. Л. 1910. Библиотека А. С. Пушкина (Библиографическое описание). – Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. IX–X. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Переверзев В. Ф. 1982. Гоголь. Достоевский. Исследования. М.: Советский писатель.
- Пильщиков И. А. 2003. Батюшков и литература Италии: Филологические разыскания / Под ред. М. И. Шапира. М.: Языки славянской культуры.
- Пушкин А. С. 1937–1959. Полн. собр. соч.: В 17-ти тт. [М.; Л.]: Издательство Академии Наук СССР.
- Пушкин в воспоминаниях 1998. А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд. В 2-х тт. / Вступительная ст. В. Э. Вацуро; сост. и примечания В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. СПб.: Академический проект.
- Софокл 1990. Драмы / В пер. Ф. Ф. Зеленского. Под ред. М. Л. Гаспарова и В. Н. Ярхо. М.: Наука.
- Цицерон 1966. Диалоги. О государстве. О законах / Изд. подготовили И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн и С. Л. Утченко. М.: Наука.
- Bolte, J. 1902. Italienische Volkslieder aus der Sammlung Hermann Kestners. – Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. Bd. XII. Berlin: Verlag von A. Asher & Co. S. 57–65.

- Budd, F. E. 1931. Material for the Study of the Sources of Shakespeare's *Measure for Measure*. – *Revue de littérature comparée*. Vol. 11. P. 711–736.
- Bullough, G. (ed.) 1958. Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare. Vol. II: The Comedies, 1597–1603. London; New York: Routledge and Kegan Paul; Columbia University Press.
- Greenblatt, S. 2013. Hamlet in Purgatory / With a new preface by the author. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
- Hankins, J. E. 1956. The Pains of the Afterworld: Fire, Wind, and Ice in Milton and Shakespeare. – *PMLA*. Vol. 71. No. 3 (June). P. 482–495.
- Heilbronn-Gaines, D. 1995. *Inferno* I: Breaking the Silence. – Dante's *Inferno*: The Indiana Critical Edition / Translated and edited by Mark Musa. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press. P. 286–298.
- [Irving, W.] 1824. A History of New York from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty <...> by Diedrich Knickerbocker. London: Printed for Thomas Tegg.
- Lawrence, W. W. 1960. Shakespeare's Problem Comedies. Second Edition. New York: F. Ungar Pub. Co.
- Le Goff, J. 1990. The Birth of Purgatory / Translated by Arthur Goldhammer. Aldershot: Scolar Press.
- Lever, J. W. (ed.) 2003. *Measure for Measure*. The Arden Edition of the Works of William Shakespeare. London: The Arden Shakespeare.
- Millevoye, Ch.-H. 1809. Belzunce, ou La peste de Marseille, et La bataille d'Austerlitz, poèmes, suivis d'autres poésies. Second édition, corrigée, augmentée de plusieurs pièces et de la traduction in vers des odes choisies d'Anacréon. Paris: De l'Imprimerie de Giguet et Michaud.
- Prouty, Ch. T. 1964. George Whetstone and the Sources of *Measure for Measure*. – *Shakespeare Quarterly*. Vol. 15. No. 2 (Spring). P. 131–145.
- Schlegel, A. W. 1814. Cours de littérature dramatique / Traduit de l'Allemand [par Madame Necker, née de Saussure]. T. 3. Paris; Genève: Chez J. J. Paschoud.
- Shakespeare, [W.] 1821. Œuvres complètes / Traduites de l'anglais par Letourneur. Nouvelle édition, revue et corrigée par F. Guizot et A. P[ichot], traducteur de Lord Byron. Précédée d'une notice biographique et littéraire sur Shakespeare par F. Guizot. T. VIII. Paris: Chez Ladvocat.
- Staël, M^{me} la baronne de 1820. Œuvres complètes de Mme la baronne de Staël / Publiées par son fils ; précédées d'une notice sur le caractère et les écrits de

- M^{me} de Staël, par Madame Necker de Saussure. T. VIII: Corinne, ou L'Italie. Paris: Chez Treuttel et Würtz.
- Thompson, S. 1960. Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books, and Local Legends / Revised and Enlarged Edition by Stith Thompson. Vol. 4: J–K. Bloomington: Indiana University Press.
- Turgot, [A.-R.-J.] 1808. Œuvres de M^r. Turgot, ministre d'État, Précédées et accompagnées de Mémoires et de Notes sur sa Vie, son Administration et ses Ouvrages. T. II. Paris: De l'Imprimerie de Delance.
- Walls, J. L. 2012. Purgatory: The Logic of Total Transformation. Oxford; New York: Oxford University Press.

REFERENCES

- A. S. *Pushkin v vospominaniiakh sovremennikov*. Prefaced by V. E. Vatsuro, edited and annotated by V. E. Vatsuro, M. I. Gille'son, R. V. Iezuitova, Ia. L. Levkovich et al. 2 vols. 3rd ed. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1998.
- Bolte, J. "Italienische Volkslieder aus der Sammlung Hermann Kestners." In *Zeitschrift des Vereins für Volkskunde*. Vol. 12, 57–65. Berlin: Verlag von A. Asher & Co., 1902.
- Budd, F. E. "Material for the Study of the Sources of Shakespeare's *Measure for Measure*." *Revue de littérature comparée* 11 (1931): 711–36.
- Bullough, G., ed. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. Vol. 2, *The Comedies, 1597–1603*. London and New York: Routledge and Kegan Paul; Columbia University Press, 1958.
- Cicero. *Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh*. Edited by I. N. Veselovskii, V. O. Gorenshtein and S. L. Utchenko. Moscow: Nauka, 1966.
- Dolinin, A. A. *Pushkin i Angliia: Tsikl statei*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
- Greenblatt, S. *Hamlet in Purgatory*. With a new preface by the author. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2013.
- Hankins, J. E. "The Pains of the Afterworld: Fire, Wind, and Ice in Milton and Shakespeare." *PMLA* 71, no. 3 (June 1956): 482–95.
- Heilbronn-Gaines, D. "Inferno I: Breaking the Silence." In *Dante's Inferno: The Indiana Critical Edition*. Translated and edited by Mark Musa, 286–98. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995.

- [Irving, W.] *A History of New York from the Beginning of the World to the End of the Dutch Dynasty* [...], by Diedrich Knickerbocker. London: Printed for Thomas Tegg, 1824.
- Ital'ianskaia novella Vozrozhdeniia*. Moscow: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literatury, 1957.
- Lawrence, W. W. *Shakespeare's Problem Comedies*. 2nd ed. New York: F. Ungar Pub. Co., 1960.
- Le Goff, J. *The Birth of Purgatory*. Translated by Arthur Goldhammer. Aldershot: Scolar Press, 1990.
- Lever, J. W., ed. *Measure for Measure. The Arden Edition of the Works of William Shakespeare*. London: The Arden Shakespeare, 2003.
- Levin, Iu. D. "Ob istochnikakh poemy Pushkina 'Andzhelo'." *Izvestiia Akademii Nauk SSSR. Seriiia literatury i iazyka* 27, no. 3 (May–June, 1968): 255–58.
- Millevoye, Ch.-H. *Belzunce, ou La peste de Marseille, et La bataille d'Austerlitz, poèmes, suivis d'autres poésies*. 2nd rev. ed. Paris: De l'Imprimerie de Giguet et Michaud, 1809.
- Modzalevskii, B. L. "Biblioteka A. S. Pushkina (Bibliograficheskoe opisanie)." In *Pushkin i ego sovremenniki: Materialy i issledovaniia*. Vol. 9–10. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1910.
- Pereverzev, V. F. *Gogol'. Dostoevskii. Issledovaniia*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1982.
- Pil'shchikov, I. A. *Batiushkov i literatura Italii: Filologicheskie razyskaniia*. Edited by M. I. Shapir. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2003.
- Prouty, Ch. T. "George Whetstone and the *Sources of Measure for Measure*." *Shakespeare Quarterly* 15, no. 2 (Spring 1964): 131–45.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 17 vols. [Moscow and Leningrad]: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1937–1959.
- Schlegel, A. W. *Cours de littérature dramatique*. Translated from the German [by Madame Necker, née de Saussure]. Vol. 3. Paris and Geneva: Chez J. J. Paschoud, 1814.
- Shakspeare, [W.] *Œuvres complètes*. Translated from the English by Letourneur, prefaced by F. Guizot. New rev. ed. by F. Guizot and A. P[ichot]. Vol. 8. Paris: Chez Ladvoocat, 1821.
- Sophocles. *Dramy*. Translated by F. F. Zelenskii, edited by M. L. Gasparov and V. N. Jarcho. Moscow: Nauka, 1990.

- Staël, M^{me} la baronne de. *Œuvres complètes de Mme la baronne de Staël*. Published by her sons, foreword by Madame Necker de Saussure. Vol. 8, *Corinne, ou L'Italie*. Paris: Chez Treuttel et Würtz, 1820.
- Thompson, S. *Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Medieval Romances, Exempla, Fables, Jest-Books, and Local Legends*. Rev. and enlarged ed. by Stith Thompson. Vol. 4, J–K. Bloomington: Indiana University Press, 1960.
- Turgot, [A.-R.-J.]. *Œuvres de M^r. Turgot, ministre d'État*. Vol. 2. Paris: De l'Imprimerie de Delance, 1808.
- Vatsuro, V. E. "Pushkin i Dante." In *Lotmanovskii sbornik*. Vol. 1, 375–91. Moscow: Izdatel'stvo "ITs-Garant," 1995.
- Vergilius. *Bukoliki. Georgiki. Eneida*. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1979.
- Walls, J. L. *Purgatory: The Logic of Total Transformation*. Oxford and New York: Oxford University Press, 2012.